

17 марта 1984 г.

КУЛЬТУРА

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

НИЧТО НЕ ПРЕДВЕЩАЛО СЛАВЫ

Несколько лет назад московскому букинисту и библиофилю Владимиру Никифоровичу Алексеву посчастливилось обнаружить несколько рукописей, фотографий, писем и открыток, составлявших небольшую часть архива одной московской семьи и имевших, как оказалось, непосредственное отношение к смоленскому периоду жизни Александра Беляева. Начались поиски, обрывавшиеся только со смертью В. Н. Алексеева.

«Лето не обещало мне ничего особенно приятного... Близкие знакомые и друзья уезжали за город, мне предстояло остаться довольно одинокой в нашем милом Смоленске».

Так начинались воспоминания Веры Васильевны Былинской.

Ей было семь лет, когда умер отец, мать вышла замуж вновь. Она окончила сиротский институт — учебное заведение, готовившее гувернанток и экономок для богатых семейств, отказалась от «выгодной партии», на которой настаивала мать, и, преодолев ее сопротивление, поступила на Высшие женские курсы.

Хорошо образованную и начитанную девушку, приехавшую из Москвы в Смоленск на летние каникулы, начинали тяготить одиночество и однообразие провинциальной жизни. И вдруг все изменилось.

Случайно Вера встретила на улице свою давнюю подругу Алю Станкевич. Выяснилось, что та недавно вышла замуж — она тотчас пригласила Веру к себе домой познакомиться с мужем. Им был недавний выпускник ярославского лицея Александр Беляев.

«...С Александром Романовичем Верочка познакомилась летом 1907 года», — рассказывает свидетельница событий того давнего времени Ольга Николаевна Веревакина — сестра Веры Васильевны. Мы находимся у нее дома, в Москве, на Радужной улице. Шелестят

страницы семейного альбома. Ольга Николаевна, видимо, единственная, кто помнит Александра Романовича по встречам в Смоленске в те годы...

Один из древних русских городов располагался большей своей частью на левом берегу Днепра. Течение реки было быстрым, поэтому плавали по ней, как вспоминает Ольга Николаевна, на специально построенных сдвоенных (для устойчивости) лодках. Главная часть города была окружена старинной каменной стеной с еще уцелевшими семнадцатью башнями и тремя воротами. Многочисленные сады, усадьбы, соборы придавали городу вид живописный и привлекательный. Таким видел Смоленск Беляев, таким он ему запомнился.

Обаятельный человек с широким кругом интересов и неиссякаемым чувством юмора, Александр Беляев объединил вокруг себя кружок смоленской молодежи, стал центром этого небольшого общества. С его появлением бесследно исчезла скука провинциальной жизни, которой так тяготилась Вера. Беляев был неистощим на всякого рода выдумки.

Однажды Шура Ром — так называли Беляева друзья — предложил отправиться на прогулку к Смоленскому кремлю. Он захватил с собой сверток, тайна которого открылась, когда все собрались на лужайке около башни Веселухи — в свертке был бумеранг. Об этом древнем оружии австралийцев слышали все, но увидели его впервые. Начали упражняться в метании бумеранга, что оказалось делом вовсе не простым: сделать это так, чтобы бумеранг вернулся к нему, смог только сам Беляев.

Иногда катались на лодках по Днепру. Каждый участник прогулки заранее получал задание подготовить интересный устный рассказ. «Не все справлялись с заданием», — читаем в воспоминаниях Веры Васильевны. —

На одной из подаренных фотографий он написал: «Человек, из которого ничего не вышло». Сколько горького юмора, самоиронии, суровой выскателности к самому себе, неудовлетворенности тем, что успел совершить! Это был Александр Романович Беляев.

Кто не зачитывался его романами «Голова профессора Доуэля», «Остров погибших кораблей», «Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Под небом Арктики»... Талант писателя-фантаста высоко ценили К. Э. Циолковский и Герберт Уэллс.

Творчество Беляева известно всем. Однако о его жизни мы знаем не столь уж много. Особенно это касается дореволюционного периода его биографии, когда, окончив Демидовский лицей в Ярославле, Александр вернулся в родной Смоленск с дипломом юриста. Ничто, казалось, не предвещало писательской славы безвестного мощника присяжного поверенного...

Положение спасал Шура Ром — он был мастером найти увлекательный сюжет. Жаль было возвращаться в город».

...Пожелтевшие фотографии из семейного архива Веры Васильевны и альбома Ольги Николаевны помогают нам мысленно перенестись на семьдесят семь лет назад. Многие снимки выполнены Беляевым. «Он любил фотографировать», — вспоминала Вера Васильевна, — но никогда не снимал стереотипные группы, а искал красивое обрамление в природе или обстановке, четкое отражение в воде. Вообще стремился сделать снимок более оригинальным».

К сожалению, потому что часто фотографировал Беляев, сохранилось мало снимков, на которых запечатлен он сам.

Знакомство Веры Былинской с Александром Беляевым, начавшееся летом 1907 года, продолжалось в дальнейшем, когда Вера приезжала из Москвы в Смоленск

на каникулы или праздники. Они переписывались.

«Я видела, как изменился он за прошедшие годы, — пишет Вера Васильевна, — не было прежней жизнерадостности, жадности ко всем проявлениям жизни. Он очень много говорил о своих мечтах и планах, сам же критиковал их и начинал новые искания».

Работа не только не удовлетворяла его, но временами даже тяготила. Его влекло в искусство, в литературу, а он не верил в себя. Его мысли и мечты были всегда шире и смелее того, что он видел в окружающей жизни. В наших разговорах и спорах я всегда старалась заставить его поверить в свои возможности, но в ответ он с горечью говорил: «Нет, мне суждено остаться дилетантом. Это ужасно».

В октябре 1912 года Александр Романович прислал Веру свою фотографию с надписью: «Человек, из которого ничего не вышло». Горький юмор, самоирония, суровая выскателность к самому се-

бе и неудовлетворенность тем, что успел совершить за 28 лет жизни, — все это отразилось в короткой надписи...

Два года спустя Беляев оставляет юриспруденцию с тем, чтобы посвятить свою жизнь литературе и театру. Его имя часто появляется на страницах «Смоленского вестника», позднее он становится редактором газеты. Продолжалось и увлечение театром. Впоследствии К. С. Станиславский скажет ему: «Если вы решитесь посвятить себя искусству, я вижу, что вы сделаете это с большим успехом».

В 1913 году Вера Васильевна окончила Высшие женские курсы и начала преподавать в школе. Работа целиком захватила ее. Потом началась первая мировая война...

На долгое время Беляев и Вера Васильевна потеряли друг друга из виду.

Только в 1917 году Былинская получила известие от знакомой, что Александр Романович находится в Кры-

му, тяжело болен и нуждается в помощи. Она несколько раз писала ему, два раза складчину посылали ему посылки, но ответа не было. В 1921 году Вера Васильевна предприняла новую попытку разыскать своего друга. Только через год, наконец, она получила долгожданное письмо, в котором Александр Романович доверительно сообщал ей о всех тех тяготах и мытарствах, которые пришлось ему перенести. На протяжении трех нелюднейших лет гражданской войны он вынужден был вести каждодневную борьбу за жизнь — борьбу с серьезнейшим недугом и с голодом.

«27/XI-22 г. г. Ялта, Барятинская ул., д. № 3, кв. 3.

Дорогая Веруня! Ваше письмо, к счастью, дошло до меня, быть может, только потому, что я, совершив большой круг, вернулся на старую квартиру. Неужели только шесть лет прошло с тех пор, как мы не виделись с Вами, а не шесть столетий? Наверное, мы оба переменились, но не изменились наши дружеские отношения. Я нередко вспоминал Вас и хотел узнать адрес. Наконец, нашел. Так много пережито за эти годы, что не знаешь, с чего начать. Вы, вероятно, уже знаете, что я заболел костным туберкулезом спинных позвонков и три года пролежал, свалившись с параличом ног. Паралич прошел через несколько месяцев, но три года пришлось выдерживать скучный курс лечения абсолютным покоем! Увы, только не моральным покоем! Если бы Вы знали, в каких кошмарных условиях мне приходилось лежать, особенно прошлую зиму! Несколько «составов» больных общей палаты умерло на моих глазах. А весной умерла от голода и мать. Летом мне удалось попасть в Гаспру, в дом отдыха для ученых и писателей. Там мне сделали хороший целлулоидный корсет, я встал и уже служу. Вначале я взял место заведующего школой-колонией в Жемис-су (7 в. от Ялты), но сквернейшие условия заставили меня пешком сбегать в Ялту через неделю. И вот, представьте, мне пришлось поступить в канцелярию уголовного розыска, а по штату я младший ми-

лиционер. Я же — фотограф, снимающий преступников, я же — лектор, читающий курсы по уголовному и административному праву, и «приватный» юрисконсульт. Несмотря на все это, приходится голодать. Я хотел перебраться на родину или в Москву. Звали и родные на хутор в Смол. губ., но врач посоветовал еще жить в Крыму.

Пишите подробно о себе. Как живут Маог. Серг. и Никол. Гаврил.? (Мать и отчим Веры Васильевны. — Прим. авторов). Когда Вы вышли замуж? Очень рад, что Вы вспоминали обо мне. Теперь особенно ценю друзей, а ведь мы с Вами были хорошими друзьями — не правда ли? Ну, будьте здоровы.

Буду ждать подробного письма.

Ваш Шура Ром.
(Полностью письмо приводится в печати впервые).

Переписка Александра Беляева и Веры Былинской окончилась в 1925 году, но воспоминания о замечательном человеке, ставшем впоследствии известным писателем, с которым Вера Васильевна была знакома в годы своей молодости, она сохранила на всю жизнь.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Былинской. Воспитатель, педагог, она долгие годы была директором одной из московских школ, награждена орденом Ленина. Умерла Вера Васильевна в 1967 году.

Документы семейного архива (они переданы В. Н. Алексеевым в библиотеку ВТО) и воспоминания помогли восстановить подробности малозвестного периода жизни Александра Беляева. Поиски продолжаются. Думаем, они приведут к новым открытиям, которые позволят узнать неизвестные детали жизненного и творческого пути замечательного писателя-фантаста.

В. АЛЕКСЕЕВ,
А. КОРНЕЕВ.

● Александр Беляев. 1912 год. Фотография публикуется впервые.